

75 и
Г-84

R · I · N · A · S · C · I · M · E · N · T · O

ГЕРМАНЪ ГРИММЪ

МИКЕЛЬ

АНДЖЕЛО

БУОНАРРОТИ

ПЕРЕВОДЪ ВЪ Г. МАЛАХИЕВОЙ-МИРОВИЧЪ. ОРНАМЕНТАЦІЯ КНИГИ ПОДЪ РЕД. М. ДОБУЖИНСКАГО

І 9 І 3

ИЗДА
ГРЯДУЩИ
ДЕНЬ
СПЕ
РЕДАКТОРЪ
А. А.
ВОЛЫНСКІЙ

11 ФЕВ 2008

МИКЕЛЪАНДЖЕЛО

ПРОВЕРЕНО

ГЕРМАНЪ ГРИММЪ

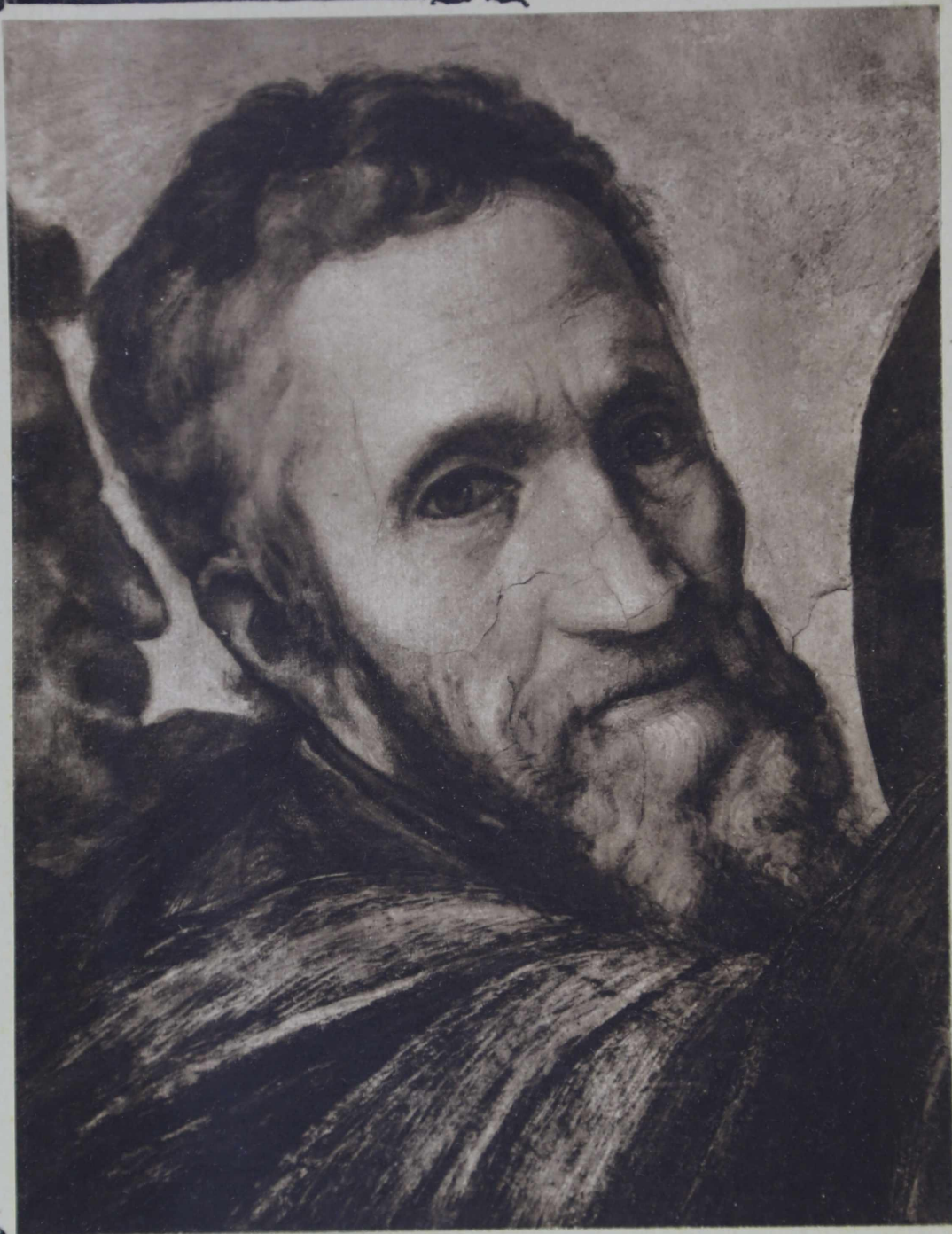
МИКЕЛЪАНДЖЕЛО
БУОНАРРОТИ

ПЕРЕВОДЪ ВЪ Т. МАЛАХІЕВОЙ МИРОВИЧЪ
ОРНАМЕНТАЦІЯ КНИГИ М. ДОБУЖИНСКАГО

ИЗДАВЪ "ГРЯДУЩІЙ ДЕНЬ"
РЕДАКТОРЪ
А. А.
ВОЛЫНСКІЙ.
1913
СПБ

CANCELLERIA

РИМЪ

Дж. В А З А Р И:
ПОРТРЕТЪ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ИСТОРИЯ

ИСКУССТВО итальянского ренессанса предста-
вляет собою явление огромного исторического
обхвата. Съ какой-нибудь определенной точки
зрѣнія наметить главныя его выраженія въ
жизни тогдашняго общества нѣтъ почти ни-
какой возможности. Для законченнаго пони-
манія движенія умовъ подъ небомъ Италіи
XV и XVI вв., приходится, поэтому, оста-
навливаться на отдѣльных его моментахъ,
представляющихъ особенный для насъ инте-

ресъ. Но дваясь отъ этапа къ этапу, изучая матеріалъ по частямъ,
мы при этомъ дѣйствительно проникаемъ въ интимную сущность ве-
ликой эпохи. Такъ, особенно важно очертить умственные интересы,
волновавшіе трехъ ея гигантовъ: Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи и
Рафаэля.

Творчество Микель-Анджело охватило въ себѣ все его время, идею
возрожденнаго язычества, сливаго воедино старыя и новыя мифы. То-же
надо сказать и о Леонардо-да-Винчи. Магъ ренессанса былъ носителемъ его
новаторскихъ исканій, какъ и Микель-Анджело. Въ нѣкоторыхъ-же отно-
шеніяхъ онъ даже превосходилъ его: превосходилъ отрицаніемъ догма-
тики и построениемъ системъ идейности на путяхъ свободной науки.
Легенды религіи Леонардо-да-Винчи перемѣли въ отвлеченную мысль, не
потерявшую до сихъ поръ своего историческаго интереса, своей куль-
турной значительности.

Наконецъ, Рафаэль. Геній среди геніевъ, онъ растворилъ въ красоту
искусства трагедію новой исторіи и—въ духъ эпохи—далъ образецъ
никѣмъ послѣ него непревзойденнаго и, можетъ быть, уже недостижимаго
живописнаго мастерства.

По этимъ шантамъ мы судимъ объ эпохѣ ренессанса въ ея цѣломъ, съ достовѣрностью, выдерживающей строжайшую научную критику.

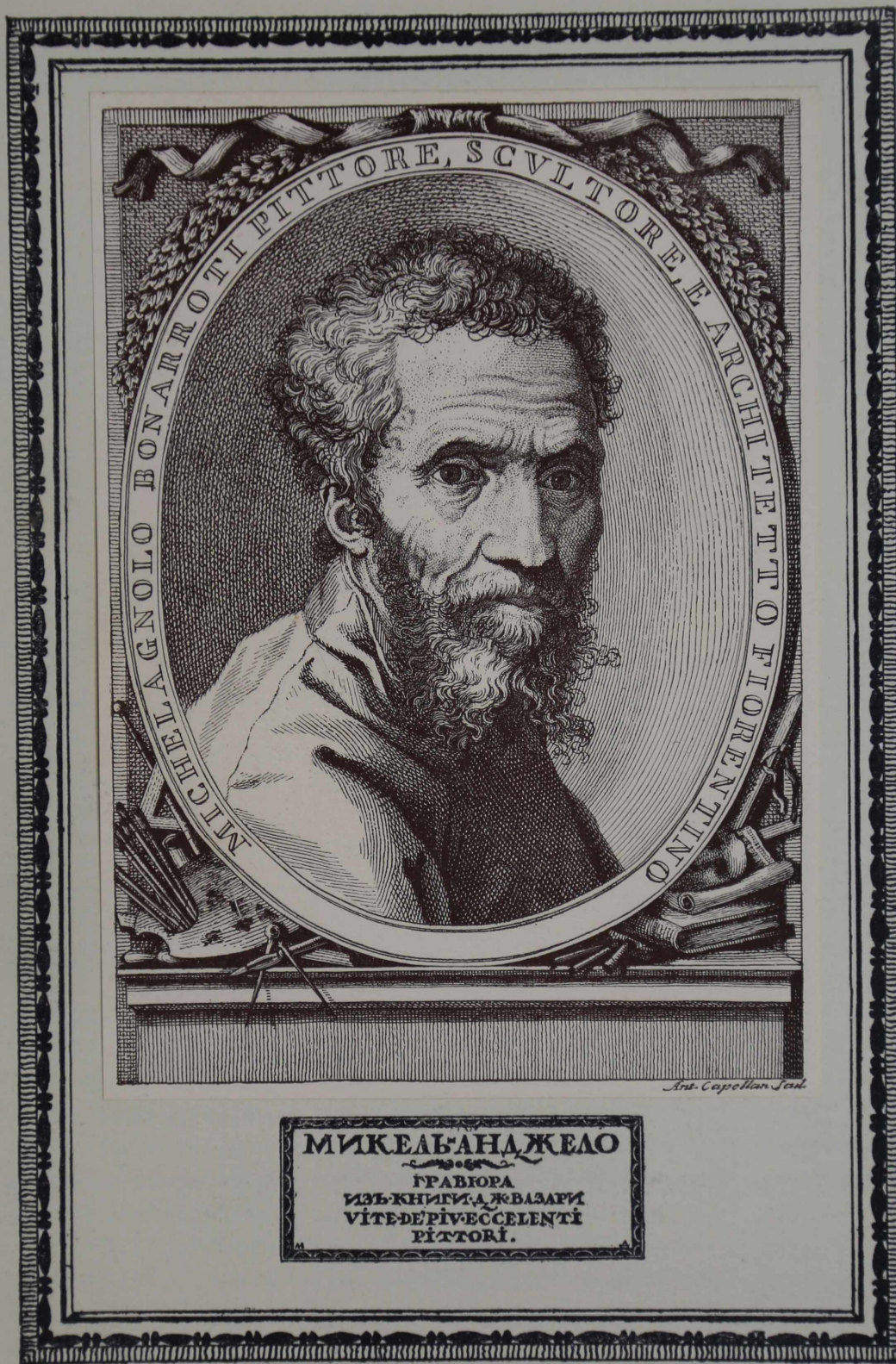
Книга Германа Гримма о Микель-Анджело — «Leben Michelangelo» — является однимъ изъ замѣчательныхъ произведений европейской литературы на тему итальянскаго возрожденія. Личность художника стоитъ передъ глазами, какъ живая. Движенія общественныя и политическія, вынесшія его на историческую арену, изучены детально и проносятся въ краскахъ, волнующихъ воображеніе. И дочитавъ компактное изслѣдованіе до конца, чувствуешь себя обогащеннымъ пониманіемъ не только одной изъ центральныхъ фигуръ могучей эпохи, но и соприкосновенныхъ съ нею дѣятелей низшаго и равнаго значенія.

Русскій переводъ сочиненія Гримма мы разбили на шестнадцать выпусковъ, при чемъ каждый изъ нихъ будетъ соответствовать одной главѣ оригинала, съ ея дробленіемъ на болѣе мелкіе отдѣлы. Но къ законченному переводу мы рѣшили присоединить еще два выпуска, семнадцатый и восемнадцатый, съ разными дополнительными комментаріями редактора изданія и переводомъ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній самого Микель-Анджело, сдѣланнымъ въ стихотворной формѣ В. Г. Малахѣвой-Мировичъ.

По завершеніи настоящаго труда Книгоиздательствомъ «Грядущій День» будутъ опубликованы еще два обстоятельныхъ изслѣдованія — о Леонардо-да-Винчи и Рафаэлъ, тоже съ обширнымъ иллюстраціоннымъ матеріаломъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ талантливаго художника. Такимъ образомъ, картина итальянскаго ренессанса, въ созданіяхъ его художественно-артистическихъ гениевъ, встаетъ передъ глазами читателя съ полною наглядностью.

Ant. Capellan Scul.

МИКЕЛЪ АНДЖЕЛО
ГРАВЮРА
ИЗЪ КНИГИ Д. Ж. ВАЗАРИ
VITE DE RI VECCELENTI
PICTORI.

Ихъ путешествія не кажутся намъ простымъ передвиженіемъ съ мѣста на мѣсто, на дружбу или вражду, связывавшую или разлучавшую ихъ съ современниками, мы не смотримъ, какъ на чисто внѣшнія, формальныя отношенія людей, всякое событіе ихъ жизни имѣетъ для насъ опредѣленную цѣнность, потому-что оно отражалось на ихъ творчествѣ. Работалъ-ли Донателло въ Венеціи, Падуѣ или Неаполѣ, въ мирное время или въ дни войны, онъ для насъ всегда одинъ и тотъ-же. Былъ-ли Гиберти счастливъ въ любви въ то время, когда моделировалъ, отливалъ и покрывалъ позолотой свои церковныя врата, — вопросъ для насъ довольно безразличный. Даже при видѣ красивѣйшихъ женскихъ профилей на картинахъ фра Филиппо Липпи въ насъ не пробуждается желаніе узнать, какъ относился художникъ къ этимъ женщинамъ. Мы съ волненіемъ смотримъ на портретъ прекрасной Симонетты, рано умершей возлюбленной рано погибшаго отъ руки убійцы Джуліано Медичи, но мы не задумываемся надъ тѣмъ, съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ на ея прелестныя черты Боттичелли. Совсѣмъ иное испытываешь передъ женщинами Леонардо: онѣ овѣяны очарованіемъ такого проникновеннаго чувства, что загораешься жаждой узнать и понять, что въ ихъ изображеніяхъ было созданіемъ сознательнаго искусства и что невольно вылилось изъ сердца художника. Эта жажда превращается въ дѣятельное стремленіе нашего духа, который сейчасъ-же начинаетъ ставить вопросы и строить предположенія. То-же бываетъ, когда изучаешь поэзію Гёте. Невозможнымъ представляется, чтобы она не входила цѣликомъ въ его дѣйствительную жизнь, какъ часть ея. Эта загадочная связь художественнаго созданія съ личностью его творца, ускользящая отъ всякой попытки вполне объяснить ее и все-же безпрестанно тревожащая нашъ стремящійся къ познанію умъ, присуща только твореніямъ истинно великихъ мастеровъ. Она не-удержимо влечетъ насъ къ себѣ и заставляетъ почти забывать при созерцаніи произведеній геніальныхъ художниковъ ихъ технику, пору ихъ ученичества, ихъ постепенные успѣхи въ передачѣ и изображеніи впечатлѣній, все то, что кажется такой важной и значительной стороной творчества, когда разсматриваешь работы менѣе крупныхъ талантовъ.

Леонардо родился въ 1452 году. Онъ былъ побочнымъ сыномъ одного богатаго флорентійскаго гражданина. Когда читаешь у Вазари жизнеописаніе Леонардо, невольно склоняешься къ мысли, что это нечто иное, какъ собраніе исторій, придуманныхъ во Флоренціи и приписанныхъ мало извѣстному въ городѣ лицу. Леонардо, дѣйствительно, большую часть своей жизни провелъ вдали отъ родного города. Но его творенія вполне соотвѣтствуютъ страннымъ рассказамъ Вазари и подтверждаютъ ихъ. Въ музеяхъ Лондона, Флоренціи и другихъ городовъ хранится множество его рисунковъ. Трудно передать словами, какія

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ПЛЪННИКЪ.

ЛУВРЪ. ПАРИЖЪ.

чудовищныя измышленія фантазіи наносилъ на бумагу съ четкимъ и тонкимъ изяществомъ карандашъ Леонардо. Тамъ находятся кипы каррикатуръ, выполненныхъ во всѣхъ своихъ отвратительныхъ подробностяхъ съ чисто научной точностью. Одна карриатура ужаснѣе другой. Той цѣли, какою имѣлъ въ виду Микель-Анджело, выливая изъ воску свои извращенныя конвульсіей лица, эти страшные рисунки не преслѣдовали. Леонардо явно стремился довести до крайняго предѣла напряженность безобразнаго, зафиксировать жуткія видѣнія фантазіи, направленные на искаженіе человѣческихъ формъ. Увидѣвъ эти навѣвающіе ужасъ рисунки, начинаешь вѣрить рассказамъ Вазари, что Леонардо могъ цѣлый день бѣгать за человѣкомъ, поразившимъ его своимъ уродствомъ, чтобы уловить страшныя подробности его безобразія и запечатлѣть ихъ на бумагѣ. Однажды Леонардо пригласилъ къ себѣ на пирушку нѣсколько крестьянъ, пріѣхавшихъ на базаръ. Онъ угощалъ и подпаивалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не забыли первоначальное стѣсненіе и не дали волю своему животному естеству. Тогда онъ началъ смѣшить ихъ. Съ помощью своихъ друзей онъ заставилъ деревенскихъ дикарей хохотать до тѣхъ поръ, пока ихъ искаженныя смѣхомъ лица не улеглись до послѣдней черточки въ его памяти. Послѣ этого онъ прогоняетъ ихъ и хватается за карандашъ. Плодомъ этой забавы является рисунокъ, на который нѣтъ силъ смотрѣть, не заразившись брызжущимъ отъ избраженныхъ лицъ дикимъ смѣхомъ. Леонардо какъ-будто испытывалъ потребность дать въ своемъ творествѣ мѣсто также и самой крайней противоположности небеснымъ образамъ, какіе онъ лелѣялъ въ своей душѣ. Да и самъ онъ, какъ человѣкъ, представлялъ собою странное смѣшеніе различныхъ, часто противоположныхъ чертъ. Онъ былъ красивъ, надѣленъ почти титанической силой, щедръ до расточительности, старался окружать себя фантастическою роскошью, держалъ множество слугъ и лошадей. Равно чарующе любезный съ сановниками и простолюдинами, прекрасный музыкантъ, поэтъ, скульпторъ, анатомъ, архитекторъ, инженеръ, механикъ, другъ князей и королей, онъ, однако, ничѣмъ не проявилъ себя, какъ свободный гражданинъ своего отечества, всегда чуждался общественныхъ дѣлъ и ни разу не нашелъ случая примѣнить свои огромныя силы на пользу окружающихъ.

Творчество такихъ людей, несмотря на ихъ сверхчеловѣческую одаренность, всегда проникнуто какою-то случайностью. Рядомъ съ углубленной работой духа, геній ихъ то и дѣло размѣнивается на пустыя и дѣтскія забавы. На аренѣ исторіи они появляются довольно рѣдко: рождаются они обыкновенно въ кругу сильныхъ міра сего. Они входятъ въ жизнь съ доставшейся имъ даромъ геніальностью, красотой, независимостью, съ неопредѣленнымъ стремленіемъ къ великимъ дѣламъ.

Для нихъ все открыто, все доступно, угнетающая духъ забота не смѣетъ омрачать ихъ существованія. Они создаютъ себѣ жизнь глубоко непонятную для окружающихъ, потому-что никто не родился въ такихъ условіяхъ жизни, какъ они, въ условіяхъ, которыя съ роковой неизбѣжностью судьбы предопредѣляли ихъ особенный, глубоко отчужденный отъ всего обыденнаго, земной путь.

Такимъ былъ Альфіери, безсильный справиться съ кипѣвшими въ немъ безудержными страстями и невластный сойти съ пути, на который онѣ толкали его. Такимъ былъ Байронъ, носимый по землѣ изъ края въ край неодолимо бушевавшей въ немъ душевной бурей. Какъ могло случиться, что человекъ, надѣленный такой геніальностью, какъ Леонардо, имѣвшій въ родномъ городѣ могущественныхъ покровителей, рѣшилъ покинуть на долгіе годы Флоренцію и, въ концѣ концовъ, отправиться въ добровольную ссылку во Францію? Занятый безчисленнымъ множествомъ нужныхъ и ненужныхъ дѣлъ, онъ меньше всего интересовался устроениемъ своей личной судьбы. Находясь въ по-

ЛЕОНАРДО-
да-
ВИНЧИ.

РИСУНОКЪ
ПЕРОМЪ.
ВИНДЗОРЪ.

стоянной и часто интимной близости съ наиболее выдающимися людьми своего времени, онъ ни съ кѣмъ не связалъ себя прямой и откровенной дружбой. Къ сожалѣнію, сбивчивое и полное дефектовъ жизнеописаніе Вазари—единственный источникъ, изъ котораго мы можемъ узнать кое-что о вѣдшихъ скитаніяхъ Леонардо. Хотя самъ Винчи и оставилъ цѣлые томы сочиненій и записокъ, но въ нихъ онъ не обмолвился почти ни однимъ словомъ о себѣ, о тѣхъ путяхъ, какими шло его развитіе.

Обыкновенно флорентійскіе художники начинали съ того, что еще отроками поступали въ ученіе къ золотыхъ дѣлъ мастеру. Здѣсь они проходили первую солидную школу. Въ тѣ времена, конечно, понимали разницу между искусствомъ и ремесломъ. Но различіе въ этомъ отношеніи простиралось только на дѣятельность, а не на людей. Во Франціи четырнадцатаго вѣка смотрѣли на вещи такъ: что было сдѣлано для короля или церкви, то относится къ области искусства, все остальное — область ремесла. Цѣль-же художника была одна въ обоихъ случаяхъ: заработать деньги.

Но Леонардо подошелъ къ искусству инымъ путемъ. Съ дѣтства

ЛЕОНАРДО-
да-
ВИНЧИ.

РИСУНОКЪ
ПЕРОМЪ.
ВИНДЗОРЪ.

Л.-ДА-ВИНЧИ.

КАРРИКАТУРА.

ВИНДЗОРЪ.

онъ пристрастился къ рисованію и лѣпкѣ. Отецъ его, который воспитывалъ его въ своей семьѣ вмѣстѣ съ законными своими дѣтьми, показалъ нѣкоторые изъ рисунковъ сына ученику Донателло, Андреа Верроккіо, считавшемуся, по смерти его учителя, лучшимъ художникомъ во Флоренціи. Верроккіо убѣдилъ мессера Піеро-да-Винчи сдѣлать сына художникомъ и принялъ юнаго Леонардо въ свою мастерскую. Здѣсь Леонардо учился писать красками, работать рѣзцомъ на мраморѣ, отливать бронзу. Вазари будто-бы видѣлъ относящіяся къ этому времени вылѣпленныя Леонардо изъ глины женскія головки съ улыбкой на устахъ. Значить, уже съ первыхъ шаговъ творчества Леонардо преслѣдовала улыбка, глядящая на насъ со столькихъ его женскихъ лицъ. Эта улыбка возведена нѣкоторыми учениками его, особенно Луини, въ непреложный канонъ.

Кромѣ изобразительныхъ искусствъ, Леонардо съ рвеніемъ принялся за изученіе механики и архитектуры. Его умъ искалъ необычайнаго и былъ направленъ на рѣшеніе всевозможныхъ трудныхъ задачъ. Онъ занимался изобрѣтеніемъ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе безъ помощи воды и вѣтра, летательныхъ аппаратовъ, машинъ для буренія туннелей сквозь горы и поднятія огромныхъ тяжестей, приспособленій для осушки болотъ. Наиболѣе грандіознымъ изъ его проектовъ было—приподнять церковь Санъ Джіованни, слишкомъ глубоко ушедшую въ

землю вслѣдствіе наросшаго вокругъ нея впродолженіе вѣковъ слоя земли, и подвести подъ нее новый фундаментъ. Всѣ знали, что это невозможно, говоритъ Вазари (который, впрочемъ, самъ любилъ братья за предпріятія, казавшіяся неосуществимыми), но, когда Леонардо съ присущей ему убѣдительною объяснилъ, какъ онъ думаетъ приступить къ этому дѣлу, ему принуждены были повѣрить. Въ настоящее время весь вопросъ сводился-бы только къ извѣстнымъ матеріальнымъ затратамъ.

Научныя занятія не мѣшали Леонардо пользоваться жизнью и молодостью. Онъ страстно увлекался лошадьми и, вообще, любилъ окружать себя животными. Въ этомъ отношеніи на него были похожи Альфіери и Байронъ. Черта эта, мнѣ кажется, присуща особому роду людей, къ которому часто принадлежатъ геніальные творцы и бесплодные геніи. Въ душѣ ихъ кроется потребность господства надъ окружающими, но внутренняя неустойчивость не даетъ имъ возможности обезпечить себѣ продолжительный авторитетъ среди окружающихъ, и, не владея рабами, не родившись носителями наслѣдственной власти надъ народами, они ограничиваются неприкосновеннымъ владычествомъ надъ животными. Въ вѣрной преданности безсловесныхъ тварей они находятъ суррогатъ, удовлетворяющій ихъ въ этомъ отношеніи. Въ книгѣ Вазари мы встрѣчаемъ менѣе значительныхъ художниковъ, и среди нихъ учениковъ да-Винчи, проявлявшихъ такое-же тяготѣніе къ животнымъ.

Кромѣ того, Леонардо съ увлеченіемъ предавался изученію ботаники, анатоміи, астрономіи и астрологіи. Благодаря занятіямъ послѣдней, онъ, по словамъ Вазари, усвоилъ такіе еретическіе взгляды, что всѣ считали его скорѣе язычникомъ, чѣмъ христіаниномъ. Однако, это замѣчаніе находится только въ первомъ изданіи книги Вазари, изъ второго оно исключено самимъ авторомъ. Новѣйшіе компетентные издатели *) его сочиненій объясняютъ купюру тѣмъ, что Вазари понялъ пустоту и нелѣпность сплетни, пущенной недоброжелателями Леонардо. Несомнѣнно, однако, что вольный образъ мысли Леонардо вполне соотвѣтствовалъ складу его личности и духу того времени. Надъ всѣми господствовало тогда вліяніе классической древности. Общераспространенное міровоззрѣніе относилось безразлично къ добру и злу, къ вѣрѣ и невѣрію, въ христіанскомъ смыслѣ этихъ словъ. Міровоззрѣніе это раздѣлялось не только аристократіей, но даже высшимъ духовенствомъ. Флорентійская академія, эта проникнутая духомъ греческой образованности знать, окружавшая Медичи, сдѣлала изъ платонической философіи почти вторую государственную религію. Люди, строго хранившіе завѣты христіанства, представляли тогда лишь маленькую кучку, затерявшуюся въ вихрѣ языче-

*) См. флорентійское изданіе 1846 года.

ства, и времена, когда такое умонастроение смѣнилось приливомъ иныхъ возрѣвнѣй, наступили лишь по смерти Леонардо. Но Вазари писалъ уже въ пору этихъ новыхъ теченій.

ЛЕОНАРДО-ДА-ВИНЧИ.

БИБЛИОТЕКА. ТУРИНЪ.

ЭСКИЗЪ КЪ «МАДОННЪ ВЪ СКАЛАХЪ».

Леонардо скоро превзошелъ своего учителя. На картинѣ, изображавшей «Крещеніе», которую Верроккіо предназначалъ для монастыря въ Валломброзо, онъ поручилъ Леонардо написать одного ангела. Этотъ ангелъ былъ такъ прекрасенъ и такъ превосходилъ мастерствомъ исполненія остальные фигуры, что Верроккіо, будто-бы, съ тѣхъ поръ пере-

сталъ заниматься живописью. Однако, Вазари слишкомъ часто рассказываетъ подобные случаи и о другихъ художникахъ, и безусловно вѣрить ему въ этомъ отношеніи невозможно. Слѣдующимъ созданіемъ Леонардо былъ рисунокъ для ковра, который португальскій король заказалъ выткать для себя во Фландріи. Такой заказъ не былъ исключительнымъ дѣломъ. Уже давно завязались самыя оживленныя сношенія между Флоренціей, Лиссабономъ и сѣверными нидерландскими гаванями. Флорентійскіе торговые дома существовали въ каждомъ значительномъ по своей торговлѣ городѣ Западной Европы. На этомъ коврѣ Леонардо изобразилъ грѣхопаденіе. Пейзажъ съ райскими растениями и животными и древо познанія съ вѣтвями и листвою были такъ детально и тонко сдѣланы, что будили въ зрителѣ не только восхищеніе искусствомъ художника, но и удивленіе передъ его терпѣніемъ. Во времена Вазари во Флоренціи еще находился картонъ съ этимъ рисункомъ.

Когда Вазари превозноситъ тонкую и подробную отдѣлку деталей въ рисункахъ да-Винчи, надо имѣть въ виду общую флорентійскимъ художникамъ того времени миниатюрную манеру письма. Но Леонардо и въ этомъ отношеніи превосходилъ ихъ и часто стремился къ недостижимому. Поэтому вполне понятнымъ становится упрекъ, что онъ не завершалъ своихъ задачъ, что онъ много начиналъ и рѣдко доводилъ свою работу до конца. Особенно поражала современниковъ старательность, съ какою онъ приготовлялъ свои краски и масло.

Вазари подробно рассказываетъ интересную исторію страшной головы Медузы, одного изъ раннихъ произведеній Леонардо. Молодой художникъ собралъ и снесъ въ свой домъ все, что могъ найти отвратительнаго и ядовитаго среди земныхъ тварей. Онъ искусственно вызывалъ и затѣмъ наблюдалъ ихъ ожесточенныя битвы между собою. Изъ этихъ впечатлѣній онъ и создалъ фантастическую картину. Закончивъ, онъ поставилъ ее въ темную комнату, просверливъ въ ставнѣ дыру такимъ образомъ, чтобы узкій лучъ свѣта падалъ на самую голову Медузы и освѣщалъ ее таинственнымъ сіяніемъ, какъ-будто исходящимъ отъ самой картины. Этимъ онъ достигъ такого эффекта, что всякій, входившій въ комнату, отшатывался съ ужасомъ при видѣ чудовища, казавшагося живымъ. Вскорѣ затѣмъ онъ изобразилъ для одного изъ своихъ друзей Нептуна. На этой картинѣ реальная правдивость бушующихъ волнъ, отталкивающее безобразіе видныхъ сквозь прозрачность воды чудовищъ и величественная красота морского бога сливались въ непередаваемое по своей фантастичности зрѣлище. Склонность къ фантастичному лежала не столько въ природѣ самого Леонардо, сколько въ характерѣ возрѣвній его вѣка. Произведенія многихъ предшественниковъ Леонардо, не уступающія ему въ этомъ отношеніи, если вѣрить словамъ Вазари, до насъ

не дошли. Винчи остался вѣренъ этому направленію и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, отъ которыхъ, какъ отъ твореній Байрона, вѣтъ чѣмъ-то сказочнымъ. Вообще, между этими геніями существуетъ тайное духовное родство, и я не могу думать о Байронѣ, не обращаясь мыслью къ Леонардо. Безграничная мечтательность такъ глубоко коренилась въ природѣ Леонардо, что онъ настойчиво и серьезно совѣтовалъ своимъ ученикамъ внимательно всматриваться въ пятна сырой плѣсени на старыхъ стѣнахъ, въ золу догорающаго костра и въ другія случайныя фигуры, создаваемыя слѣпой игрой природы: здѣсь можно, говорилъ онъ, найти прекрасныя мысли и темы для картинъ. И такъ велико было его умѣнье проникать въ тайныя глубины человѣческой души и выражать ихъ въ краскахъ, что иногда его искусство кажется ни съ чѣмъ не сравнимымъ. Надо видѣть женскій портретъ аугсбургскаго музея, чтобы оцѣнить Леонардо съ этой стороны. По чертамъ этого портрета легко прослѣдить исторію страстей и судьбы женщины, изображенной художникомъ, и съ трудомъ отрываешься отъ созерцанія прекрасной, но страшной тайны, заключенной въ немъ.

Геній Леонардо расцвѣлъ внѣ его родного города. Ему было немногимъ болѣе тридцати лѣтъ, когда онъ переселился въ Миланъ, гдѣ правилъ тогда Людовико Сфорца. Вѣроятно, Леонардо былъ приглашенъ туда для выполненія какой-нибудь большой работы, но объ этомъ у насъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Наоборотъ, Вазари рассказываетъ, что Сфорца, узнавъ, какъ прекрасно игралъ Леонардо на лютнѣ, которую тотъ страстно любилъ, вызвалъ его къ своему двору. Художникъ принялъ приглашеніе. Онъ сдѣлалъ серебряную лютню въ формѣ лошадиной головы и подъ звуки ея струнъ слагалъ стихи, которыми приводилъ въ восхищеніе герцога и его великолѣпный дворъ. Таково было, будто-бы, первое выступленіе прекраснаго флорентійца въ Миланѣ. Но вскорѣ началась у него здѣсь другая дѣятельность, привязавшая его къ Милану сильнѣе, чѣмъ любовь и покровительство Людовико Моро. Онъ нашелъ широкое поприще для своихъ талантовъ и занялъ, какъ художникъ, первое мѣсто въ городѣ. Но здѣсь мы должны остановиться. Къ этимъ годамъ относятся первые шаги Микель-Анджело въ области искусства.

